

В ПОМОЩЬ АСПИРАНТУ

Сергей Михайлович ХАЛИН –
профессор кафедры философии,
доктор философских наук

Место и роль философии в исторических типах познания

УДК 122.16

Выражение «Философия – мать всех наук» не просто фраза. За ним стоит вполне оправданная аналогия, согласно которой без натурфилософской стадии познания не было бы последующей научной стадии. Без соответствующего уровня развития философии в рамках каждого научного типа познания развитие последних было бы заторможено, если вообще не остановлено. Философия своими прошлыми и современными достижениями вполне заслуживает быть поставленной и рассмотренной в одном ряду с основными историческими типами познания как совершенно особое, уникальное познавательное качество. При этом философия как бы выходит за рамки отдельно взятых типов познания, сопровождает их, начиная с натурфилософского.

Философия и философы всегда привлекали к себе внимание общества. Это связано с особой природой философии, с особым местом философии и философов в обществе. При этом и философия, и философы всегда оценивались по-разному. Так, Н. А. Бердяев характеризует положение философа как «трагическое»: «Его никто не любит» [См. 1. С. 97]. Р. Абель (R. Abel) говорит о «великом сообществе философии» [2, р. XX]. Т. И. Ойзерман обращает внимание на сложность взаимоотношений между самими философами и философскими направлениями: «Все выдающиеся философские учения отрицают друг друга – это эмпирический факт, из которого исходит историко-философская наука» [3. С. 49]. Вообще необходимо переосмысление «всех традиционно фиксируемых признаков, сторон, функций философии. Переосмысление не по содержанию (хотя там, где это нужно, следует разбираться и с содержанием), а по тем системно-структурным характеристикам, которыми философия обладает», – писали мы в одной из работ [4. С. 92]. Философия, как и любой объект исследования, также нуждается в построении соответст-

вующих – метафилософских – теоретических моделей. Системная оценка философии требует учета специфики философского знания, деятельности философов как живого процесса. Необходим учет общественных условий, которые приводят к ее возникновению и к ее последующим качественным изменениям.

Трудность понимания и изучения философии заключается еще и в том, что она, на первый взгляд, предстает как нечто неорганизованное, или плохо организованное, неопределенное, неуловимое. Неслучайны характеристики философии, подобные следующей: занятие философией принимает вид чего-то «аргіогі не ограниченного ничем, а потому в известном смысле произвольного» [5. С. 9]. На самом деле никакого особого философского «произвола» не существует. У философии имеется свой особый предмет. Она есть концентрированное выражение рациональности человеческой деятельности, рациональности человека вообще. Это проявляется во всех ее категориях и принципах, делает ее универсальной. «Философия – это рационально-теоретическая форма мировоззрения, которая, выступая рефлексией предельных оснований всех видов человеческо-исторической практики, а) подытоживает ... формирует миропонимание; б) ... задает мироотношение» [Там же. С. 10]. Философия – это «легизированная, теоретизированная, рационализированная форма мировоззрения» [6. С. 127].

В. Виндельбанд отмечал, что «из истории нельзя ... вывести какого-либо одного понятия философии» [См.: 1. С. 75]. Однако какие-то определения философии, пусть и рабочие, всегда нужны. Они необходимы хотя бы для того, чтобы видеть связь философии с другими сферами деятельности человека. У философии всегда можно отыскать такие стороны, аспекты, моменты, которые позволяют, по крайней мере, обсуждать ее природу, а значит давать ее определения. М. Хайдеггер говорит о философии как об «абсолютной науке», которая представляет собой «нечто самостоятельное, последнее» [Там же. С. 117]. А. В. Павлов характеризует философию как «способ и познания всеобщего, и его творчества из материала единичности» [7. С. 55]. Для нас философия есть развертывающаяся во времени перспектива, проект рационального освоения различных сторон бытия человека с точки зрения его основных всеобщих моментов. Философия – это наука о наиболее общих условиях изучения, постижения, познания, изменения, преобразования окружающей человека действительности и самого человека.

П. Л. Лавров еще до неопозитивистов характеризовал философию как «только деятельность, строящую науку, и без нее не существовало ни одной науки» [См.: 1. С. 92]. Имеет право на существование и идея философии как деятельности по рассмотрению «фундаментальных вопросов, которые требуют сначала, чтобы мы сделали отчетливым то, о чем мы спрашиваем» [2, р. XXIII].

Философия выступает слоем предельных обобщений каждого исторического типа познания, начиная с натурфилософского, в рамках которого она появляется и который она сама непосредственно конституирует. Своеобразный слой предельных обобщений (и только в этом смысле «философских») легко обнаружить в обыденном сознании и познании людей. Философия, собственно, и возникает как некая модификация «философии» обыденного сознания и познания, того, что очень верно именуют мудростью.

Философия является универсально-упорядочивающей деятельностью. За каждым видом уже достигнутого порядка она стремится обнаружить еще более глубокий, более широкий порядок, который затем и выражает в своих категориях и принципах, в том числе и новых. Философия, философский подход и появляются всегда там, где обнаруживаются те или иные границы, пределы действительности, ее познания. В этом состоит, можно сказать, собственная внутренняя мера философии. Объективно присущая философии, философскому подходу цель – это освоение обнару-

живающихся новых границ человеческого бытия, их дальнейшее расширение в рациональной, понятийно-категориальной форме. Кстати, особо чувствительна к этой стороне философии мистика, которая поэтому всегда старается «убежать» от философии и науки за те пределы, которые так или иначе уже рационально освоены. Мистика оказывается своеобразным индикатором в отношении рационально освоенных границ человеческого бытия. Но природа самой мистики может и должна быть выражена рационально, как бы ей самой это ни нравилось.

Философия есть рефлексия неизвестного на границах соответствующей исторической предметности человеческого бытия. Она формирует и укрепляет саму способность человека осваивать неизвестное. Если использовать терминологию Т. Куна [8], то можно охарактеризовать философию как традицию, постоянно (перманентно) находящуюся в фазе «экстраординарной науки», в фазе по природе своей всегда конфликтной, революционной, творческой. И если при этом удастся выйти на категоризацию какой-либо новой стороны реальности (природной, социальной, личностной, познавательной), то это всегда является признаком ценной философии, какой бы она ни представлялась в других своих отношениях. Действительно, «поучителен анализ пути развития самой философии, представляющий непрерывно развивающуюся систему предельных обобщений, отлитых в форму абстрактных категорий способов осмысления мира» [9. С. 222–223].

Философия — это прежде всего умозрение, некая чистая синтетическая априорность, как сказал бы с надеждой И. Кант. Она связана со всеобщим, ее понятия имеют предельную — категориальную природу. Рефлексия философии — это рефлексия «предельных пределов», сама рациональность на уровне всеобщего. Философия не ставит опытов в общепринятом значении этого слова, не проводит экспериментов, как это делают конкретные науки. Она оперирует ею же созданными всеобщими концептуальными моделями. Категории философии находятся в постоянном движении, смысл которого — интерпретация любых видов опыта человека, любого содержания сознания и познания. У философии нет и не может быть специального языка, как у многих конкретных наук. Но философия характеризуется особым способом мышления, рассуждения, всегда нацеленным на выявление внутренней всеобщности мира, человеческого бытия. При этом она вводит новые абстракции, прибегает к символу, даже мифу, особенно поначалу (Платон). Но это не следует смешивать с некими авангардистскими ухищрениями. Просто философия ищет подходящие средства для выражения новых, только что обнаруженных смыслов, моментов всеобщего. Многие философы нередко останавливаются на стадии первичного выражения подобных моментов, как бы «зацикливаются», что делает их достижения очевидно незавершенными, постановочными, только намечающими контуры осмысления чего-либо нового.

Как всякая познавательная традиция, философия начинает с индуктивных обобщений тех видов опыта, которые уже имеются у людей, ярким примером чего можно считать Сократа в диалогах Платона. Но эта фаза зачастую скрыта, порой просто не осознается самими философами. Далее она переходит к дедуктивной разработке своих — категориальных — обобщений. Это-то и оказывается преобладающим содержанием, по крайней мере, философских текстов (трактатов, монографий и т. п.). Философия использует свои обобщения для анализа того опыта, с которого она начала, а также для осмысления новых видов опыта, тех, которые ранее ею не принимались в расчет. Поэтому философия и становится таким достижением человеческой культуры, которое закладывает сами основы последней.

Предтечей философии, как известно, является мифология, чувственная по форме, но нечувственная, «сверхчувственная» по содержанию. В схоластике философская интенция, насколько она вообще сохраняется, нацелена на освоение неких гра-

ниц рациональности, появляющихся в особом всеобщем предмете, сконструированном человеком, — Боге. В ранней науке философская рефлексия более всего занята поиском всеобщих методологических оснований формирующейся науки. В классическом типе научного познания философия более всего обращена к самой себе, своим собственным основаниям. Особое положение философия занимает в рамках и по отношению к современному научному типу познания. Сегодня философия занята активной разработкой одновременно всех возможных и даже невозможных видов предметности как одинаково важных, значимых для современного человека. Эта тенденция, думается, сохранится и в отношении будущего синтетического типа научного познания. Присутствует философская рефлексия и практически во всех сохраняющихся сегодня традиционных типах сознания и познания, то поднимаясь над ними, то «опускаясь» до них. Все стороны жизни человека объективно предполагают свое категориальное выражение. Это тоже путь философии. Возникающая научная (конкретно-научная) рефлексия вклинивается между практическим сознанием и познанием человека и первыми философскими (натурфилософскими по преимуществу) обобщениями. Но философия от этого не исчезает: должна «исчезнуть» некоторая ее прежняя форма. В связи с научными типами познания возникают новые формы философской рефлексии, как средство, основа связанных теперь уже с действительной наукой рубежей рациональности.

Философия есть особая форма теоретизации всех других способов духовного освоения действительности. «Эмпирический базис философии — специфические отражения различных типов сознания» [5. С. 12]. Так возникает целый ряд, последовательность исторических форм философии, отличающихся качеством предельных обобщений уже имеющихся достижений познания и понимания мира и собственного бытия человека. Обладая такой специфической — всеобщей — предметностью (предметностью в форме всеобщности), философия отличается от всех других форм рациональности. Там, где появляется новый слой специфического опыта, некий новый конкретно-теоретический уровень, философия при необходимости переходит на соответствующий метатеоретический уровень. Философия и «начинается» всегда там, где все другие виды рациональности как бы «заканчиваются», останавливаются, или переходят в некоторые иррациональные формы. Предмет философии — мир в том виде, в каком он уже дан в результатах других — конкретных, частных, специфических, — формах познавательной и вообще духовной активности человека.

Но что может дать философия другим видам рациональности, духовности, «рационализирующему» или «иррационализирующему» (по аналогии с «экзистирующим») человеку? А. Шопенгауэр считает, что всякая философия лишь «размышляет ... а не предписывает» [См. 1. С. 56]. Но всякая наука тоже рассуждает и не предписывает: «предписывают», т. е. участвуют в принятии тех или иных решений людей результаты науки — научные знания. В этом отношении результаты философии тоже кое-что «предписывают», например, по-новому, полнее, всестороннее, глубже, не упрощая видеть предмет той или иной конкретной деятельности.

В некотором первоначальном виде, как отмечалось выше, философия зарождается в рамках обыденного сознания определенной эпохи. Вообще обыденное сознание хотя и является, как правило, утилитарным, ориентированным на конкретные практические, в том числе духовно-практические, цели, т. е. неспособным во всей полноте выразить содержание действительности, не может и не должно считаться чем-то ненужным, низшим, ущербным по сравнению со специализированным, в частности, философским, сознанием и познанием. Можно во многом согласиться с С. Н. Булгаковым, который писал, что народ, «при всей своей неграмотности, просвещеннее своей интеллигенции» [10. С. 63]. Обыденное сознание может даже опе-

резать теоретическое сознание, например, «в выражении результатов человеческой деятельности и в ее первичном программировании» [9. С. 143]. В обыденном сознании современного общества участвуют профессиональные знания, навыки и умения, а также философские представления о мире. Ему вполне доступна определенная форма всеобщности при оценке различных ситуаций. Оно способно фиксировать также условия самого познания, даже научного. Об этом, кстати, говорит анализ пословиц и поговорок различных народов, особенно русского. О своеобразном обыденном, или повседневном, сознании можно говорить даже применительно к науке — об «обыденном (повседневном) научном сознании». Это именно для самих ученых, «бывшие еще вчера парадоксальными ... истины науки становятся сегодня элементами повседневного знания» [там же. С. 173]; а проникающие в науку традиции, привычки превращают любые, в том числе научные установки, в негибкие, абсолютные [11. С. 18]. Связь науки с повседневным сознанием становится очевидной с каждым новым историческим научным типом познания, особенно современным. «Мы сейчас достигли такого уровня, — пишет А. Кларк, — когда некоторое знание основ естественных наук необходимо для повседневной жизни так же, как умение читать и писать» [12. С. 38]. Знаменитое гегелевское положение: «Все действительное разумно, все разумное действительно» — знал практически каждый просвещенный немец известной поры, хотя далеко не все правильно его понимали. Кроме того, «наука никогда в полной мере не покрывала и не выражала и в дальнейшем не будет покрывать и выражать всего «человеческого»» [5. С. 70]. Можно согласиться с тем, что именно житейский словарь объединяет сторонников различных парадигм [8. С. 254].

Обыденное сознание, особенно современное, насыщено философскими элементами. Как отмечает Г. Г. Дилигенский, «развитые философские системы соседствуют с так называемой «народной философией»» [13. С. 11]. В свое время А. И. Герцен обращал внимание на то, что «к философии приступают со своей маленькой философией» [См. 1. С. 49]. Думается, мы вправе говорить о некоей «эмпирической философии», как предельной рефлексии, впервые обнаруживающей себя у обыкновенного простого человека. Как последовательно теоретическая деятельность философия обнаруживает себя только у Платона, а особенно у Аристотеля. То, что считалось мудростью в их время, — это своеобразный метауровень соответствующего обыденного сознания, на смену, в развитие которого и приходит как философия, так и все последующие развитые виды специализированного познания. Конечно, можно быть уверенным в том, что наука в конце концов сможет объяснить (по-своему), что такое, например, смерть человека, но она никогда не сможет, да это и не является ее задачей, примирить человека со смертью, а значит объяснить ее «до конца». Смерть — это некий предел физического существования каждого человека и всего живого. Но и этот предел должен быть освоен, подобно другим. Смерть, однако, — это особый предел, как бы «предел всех пределов» для человека. Философия нужна и для освоения этого предела. Существуют свидетельства, что именно мысли о смерти привели Сократа к занятиям философией.

Сегодня, как ни странно, активно дебатруется вопрос о том, должна ли философия стремиться принять форму науки, или нет. Наукой конкретной она в принципе быть не может. Но, думается, не может философия, применительно, по крайней мере, к практике современного научного познания, не развивать в себе, не усваивать критерии, нормы, подходы научной деятельности. Мы убеждены в том, что сегодня нужно привыкать говорить не столько об отдельных науках, как о каких-то завершенных платоновских идеях или монадах Лейбница, а о едином, целостном познании, в рамках которого имеют место все т. н. конкретные науки, философия и все познавательные практики, свойственные не специализирующимся на познании

сферам общества. И все же философия не только не должна избегать научной формы, но нередко сознательно стремиться к ней.

Философия — это также высший уровень изучения самого познания, т. е. метапознания, который смыкается с высшими уровнями предметного познания — естествознания и социально-гуманитарного познания. Это вытекает очевидным образом из природы базовых — онтологических — категорий философии, распространяющих свое действие на все виды бытия, в том числе на познание, науку. Метапознавательный характер философии особо представлен гносеологическими категориями, дополняющими онтологические. В отношении социально-гуманитарных наук к онтологическим и гносеологическим категориям философии добавляются общесоциологические, этические, эстетические, религиоведческие.

Философия составляет ядро сферы метапознания, основу изучения самого познания. Поэтому сегодня практически все исследователи-методологи отмечают факт несводимости изучения познания только к гносеологическим подходам, даже если в последние включать методологию и логику науки; тем более что «уровни методологии не при всех условиях носят философский характер» [14. С. 124]. В свое время А. А. Богданов предлагал новую науку — тектологию, как некую нефилософскую методологию точных, естественных и общественных наук. О необходимости различать методологию в широком и узком смысле слова пишет А. И. Ракитов [15. С. 23]. Более того, как утверждает Г. Г. Кириленко, появление новых «метанаучных дисциплин (а этот процесс интенсивно идет сейчас и нет оснований утверждать, что он завершится в будущем) требует осмысления новой предметной области, понятийного аппарата, отношения новой отрасли знания к другим формам познавательной деятельности, в том числе к философии» [16. С. 72]. Развитие, самоопределение этой области является одной из «фундаментальных задач, стоящих перед философской мыслью современности» [Там же. С. 108]. Философия — это и «методология методологии». Всякая философская проблема является и методологической, и метапознавательной, и метадеятельностной. Но далеко не всякая, например, методологическая, проблема является философской. Кстати, нужно оговорить также возможность метафилософского анализа самой философии.

Подобно предметному познанию (естествознанию и социально-гуманитарным наукам), метапознание вырастает как бы из философии и осуществляется при ее непосредственном участии. Как отмечает В. С. Швырев, «уже у самых истоков существования специально-научного знания, отдифференцированного от философии, возникает непосредственно ориентированный на него методологический слой. Такой слой имеет место уже в древнегреческой математике. Достаточно оформленная и развитая методологическая традиция именно в рамках специально-научного мышления ... наблюдается в науке Нового времени, начиная по крайней мере с Галилея» [6. С. 41–42].

В самой философии всегда существовали предметный и метапредметный аспекты, что связано с ее историческими корнями. Первые философы продолжили во многом практику мудрецов. Гераклит известен как «темный» философ в не малой степени из-за того, что, видимо, не умел точно выражать свои мысли о всеобщем, не различал предметный и метапредметный моменты. Пифагор считается основателем особой мудрости. Само слово «философия» означает, как известно, «любовь к мудрости». Но мудрец не ищет мудрости, он уже обладает ею. Но первые философы именно искали мудрость. Софисты объявили себя «учителями мудрости», хотя сами зачастую не обладали многими знаниями. Они владели, кстати сказать, в первую очередь определенными, метапредметными, методологическими и логическими знаниями, нередко злоупотребляя ими. Не случайно Сократ называл их «ложно-мудрыми».

В неоплатонической традиции присутствует попытка возврата к традиционной мудрости, отход от светского способа философствования, утвердившегося благодаря прежде всего Аристотелю. Неоплатоники сблизили Платона с религиозной традицией, что затем и проявилось в христианстве, особенно на стадии его становления и укрепления, в деятельности отцов церкви, в патристике. Схоластика еще дальше развивает эти элементы, «возвращаясь» в лице Ф. Аквинского даже к Аристотелю. Внутри схоластики, кстати, возникает немалое число формальных признаков последовавшей далее эпохи уже собственно научного познания, вплоть до современной науки. Важно учесть также то, что Возрождение, начав с восстановления светского качества философствования, придает такое же качество личностному началу в человеке. Новое время стало периодом возрождения натурфилософии, нередко под лозунгами борьбы с нею, но натурфилософии особого качества — в виде попыток создания философии, отвечающей духу ранней науки. Ступень классической науки очень скоро обнаруживает несовместимость натурфилософии и вставшей на свои ноги конкретной науки окончательно. Современное научное познание, за некоторым исключением, характеризуется постоянным разладом с традиционной философией, ее натурфилософскими элементами. Дело доходит до «полного отказа» некоторых представителей науки от философии. Хотя и в современной науке, в ее методологическом обосновании можно обнаружить натурфилософские по сути элементы. Натурфилософское качество появляется и проявляется везде, где та или иная предметность «творится» умозрительно. Наиболее ярким примером подобного рода в XX веке можно считать развитие неопозитивистского варианта «философии науки», в котором на натурфилософский манер трактуются многие признаки, стороны самой науки [См. 16].

Как выяснили сами представители этой «философии науки», и что, кстати, делает им честь, они использовали умозрительные, надуманные в значительной мере положения о природе науки, познания, философии. Эти положения не были результатом систематических обобщений конкретных данных о науке, ее истории. Здесь также не совсем уместно использование термина «философия», ибо такое использование предполагает выход на уровень универсальных обобщений, пусть и в отношении науки, познания. Подобные обобщения в «философии науки» присутствуют скорее в виде исключений, в то время как основной массив ее построений связан с конкретным материалом и некоторыми неопредельными его обобщениями. Традиционные гносеологические вопросы в «философии науки» не исчезают, конечно, поскольку это вообще невозможно. Но они существенно затенены конкретными видами метапознавательной рефлексии. Однако, как только обнаруживаются предельные границы научного познания, так сразу же возникает и «старая», т. е. нормальная философия. Представители неопозитивизма искали пределы познания в сфере языка. Но в языке присутствуют все пределы человеческого бытия. Обнаружив ряд подобных пределов, неопозитивисты отбросили собственные принципы демаркации научных и ненаучных утверждений, принципы верификации и фальсификации как «метафизические», т. е. ненаучные, что делать не было необходимости. Эти принципы нуждаются просто в ином истолковании, а современная наука без них уже немыслима. Мы считаем, что тот же принцип демаркации научных и ненаучных (а также донаучных) утверждений должен опираться на развитую типологию познания, на четкое разграничение донаучных и научных типов познания.

В «философии науки» сама философия оказалась как бы излишней. Это породило у М. Шлика даже мысль о том, что философия — «это не наука ... но тем не менее она есть нечто столь значительное и важное, что ее, как и раньше, можно удостоить звания Царицы Наук. Ибо нигде не записано, что Царица Наук сама

должна быть наукой» [17. С. 30]. Конечно, подобные характеристики философии следует расценивать как простые отговорки, как попытку уйти от досадной необходимости объяснения природы философии. Тем более что сам Шлик отмечает необходимость философии как средства поиска «последних оснований познания» (там же. С. 32).

Человеческая культура, любая ее часть всегда включали, начиная с натурфилософской фазы, включают, и будут включать в себя уровень философской рефлексии. Это понимают представители других традиций западной философии. Гадамер, например, отмечал, имея в виду ограниченность неопозитивизма и его сторонников, что «философский разговор с философией науки никогда не удается. Дебаты Адорно с Поппером, как и Хабермаса с Альбертом, показывают это очень ясно» [См. 1. С. 128]. Но уже у последующих поколений западных методологов науки, близких к позитивистской и неопозитивистской традициям, обнаруживается определенная готовность и способность начать философский разговор вообще, и философский разговор о природе познания в частности. Так, С. Тулмин приходит к выводу о необходимости использования широкого эволюционного подхода в объяснении познания. Он пишет: «мы нуждаемся именно в таком объяснении концептуального развития, которое может согласовывать изменения любой глубины, но при этом объясняет постепенные и резкие изменения как альтернативные результаты одних и тех же факторов, действующих совокупно, но по-разному» [18. С. 132].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мир философии: Книга для чтения. В 2-х ч. Ч. 1. Исходные философские проблемы, понятия и принципы. М., 1991.
2. Abel R. Man is the Measure. NY.: The Free Press, L.: Collier Macmillan Publishers, 1976.
3. Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. М., 1982.
4. Халин С. М. Системный подход и эффективность философского творчества. Творческое мышление и деятельность инженера. Тез. докл. науч.-практич. конф. 14–15 ноября 1989 г. Тюмень, 1989. С. 91–93.
5. Ильин В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1993.
6. Швырев В. С. Научное познание как деятельность. М., 1984.
7. Павлов А. В. Необычайное: (Опыт индивидуального осмысления действительности). Екатеринбург, 1993.
8. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
9. Кукушкина Е. И., Логунова Л. Б. Мировоззрение, познание, практика. М., 1989.
10. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Свердловск., 1991.
11. Философские проблемы естествознания (курс лекций). М., 1967.
12. На пути к единству науки. М., 1983.
13. Дилигенский Г. Г. В поисках смысла и цели: Проблемы массового сознания современного капиталистического общества. М., 1986.
14. Диалектико-материалистическая методология — основа естественнонаучного и социального познания. Сборник обзоров. М., 1987.
15. Ракитов А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982.
16. Кириленко Г. Г. Кризис методологических основ буржуазной «философии науки» (натурфилософский стиль мышления и его современные модификации). М., 1982.
17. Аналитическая философия: Избранные тексты. М., 1993.
18. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М., 1984.